И. Г. Петров

ЗАПРЕТЫ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ ЧУВАШЕЙ¹

Одним из интересных и мало изученных источников для изучения традиционных представлений чувашского народа являются запреты (табу). По мнению чувашских лингвистов и фольклористов, они относятся к малым жанрам чувашского фольклора и являют собой отдельный вид афористических устно-поэтических произведений. Им свойственны четкая языковая форма построения, логичность, поучительная направленность, неукоснительность исполнения. Зародившись в глубокой древности, запреты служили одной из форм регулирования поведения человека в обществе. Они регламентировали повседневную жизнь, хозяйственные занятия, промыслы и ремесла, пищу, религиозные верования, поведение, этикет, язык, культуру речи и т. д. Особое место они занимали в обрядовой жизни, в том числе в обычаях и обрядах, связанных с проводами человека в последний путь.

Целью настоящего исследования является определение роли и значения запретов в регулировании поведения людей и членов общины в рамках похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей Урало-Поволжья. В исследовании запреты рассмотрены в соответствии с основными этапами похоронно-поминального обряда (подготовка к похоронам и охрана покойника; обмывание; проводы в последний путь; погребение; поминки). Работа основана на литературных, архивных и полевых материалах автора.

При разработке указанной темы автор руководствовался одним из методологических принципов, в соответствии с которым система запретов понимается как часть социо-нормативной культуры народа, регулирующая поведение человека в повседневности и в религиозно-обрядовых практиках. В обоих случаях запреты имеют религиозную природу и выступают своеобразным императивом в процессе социальной жизни человека.

Исследование показало, что запреты в контексте похоронно-поминальных обрядов определяли место, время, порядок проведения ритуала и регламентировали поведение участников. В запретах и предписаниях данного вида обряда проявляется двойственное отношение к умершему. С одной стороны, в них просматривается суеверный страх членов социума перед покойником и смертью, с другой — стремление умиловить его и как можно скорее проводить в потусторонний мир. Благодаря соблюдению этих запретов происходило поэтапное вычленение покойника из мира культуры и социума, а также «перемещение» в мир предков.

Ключевые слова: чуваш, похоронно-поминальные обычаи и обряды, запреты, приметы, поверья.

Как известно, запреты (табу) во все времена служили и служат одной из эффективных и действенных форм регулирования поведения человека в обществе. Испокон веков они регламентировали различные стороны жизни человека: хозяйственные занятия, промыслы и ремесла, пищу, обычаи и обряды, религиозные верования, повседневное поведение, этикет, язык, культуру речи и т. д. В целом их соблюдение было направлено на то, чтобы установить порядок и гармонию в отношениях человека с окружающим миром во многих его ипостасях. Основной целью запретов являлось «предотвращение угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний: болезни, смерти, падежа скота, неурожая, засухи, градобития и т. п.» (Виноградова, Толстая, 1999: 270).

Особое место запреты занимали в похоронно-поминальных обычаях и обрядах. Они присутствовали и сохраняли свою значимость почти на всех этапах ритуала, начиная с наступления смерти и до погребения. Последовательно их придерживались также в обрядах поминального цикла.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг. (№ AAAA-A21-121012290086-0).

Соблюдение запретов было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, страхом людей перед умершим и смертью. Во-вторых, стремлением обезопасить себя от мертвого человека и обеспечить его благополучный переход в потусторонний мир. В-третьих, желанием задобрить покойника и заручиться его покровительством.

Безусловное выполнение предписаний и запретов в этой области гарантировали покой, безопасность, а также помогали избежать неблагоприятных последствий со стороны покойника. Потому что, по народным поверьям, в случае непочтительного отношения к покойнику последний мог напомнить о себе и навредить обидчику. Также он мог наказать членов семьи и родственников, если они его должным образом не поминали или забывали.

В чувашской этнографии тема запретов применительно к обрядам и обычаям похорон и поминок специально не изучена. Она в основном рассмотрена в контексте исследования системы религии чувашей (Салмин, 2007). Цель настоящей статьи — на основе литературных, архивных источников и полевых материалов рассмотреть наиболее распространенные запреты и табу, которые бытовали и продолжают бытовать в обрядах похорон и поминок чувашей Урало-Поволжья.

В настоящее время упомянутые обряды в основном проводятся в рамках традиций православной религии. Незначительная часть чувашского населения эти обряды проводит по канонам традиционной чувашской религии (чуваша-язычники) и ислама (чуваша-мусульмане). Однако в проводах в последний путь у православных и исламизированных групп чувашей сохранилось немало элементов и признаков, связанных с язычеством. Однако будет правильным сказать, что эти компоненты в ритуале присутствуют в синкретическом единстве. Т. е. в современной похоронно-поминальной обрядности присутствуют как элементы православия и язычества, так и современного гражданского обряда.

Также необходимо подчеркнуть, что запреты и табу в обрядах похорон и поминок и чувашей обнаруживают многие черты сходства с подобными же приметами и поверьями других народов, которые проживают как в Урало-Поволжье, так и за его пределами. Вероятно, это обусловлено тем, что у многих народов присутствуют общие представления и взгляды на понятия, связанные с покойником, смертью и потусторонним миром.

Так как тема запретов достаточно обширная и, как было отмечено выше, пока разработана недостаточно обстоятельно, рассмотрим их в порядке постановки проблемы и в соответствии с основными этапами похоронно-поминального обряда. Таковыми являются: 1) подготовка к похоронам и охрана покойника; 2) обмывание; 3) провода в последний путь; 4) погребение; 5) поминки. Это позволит изучить запреты более системно и целенаправленно. Детальное изучение данной темы — задача будущих исследований. Поэтому в этой работе мы ограничимся анализом лишь самых распространенных запретов в этой области традиционной культуры.

Определенных запретов чуваша придерживались уже при появлении первых признаков смерти человека. Например, в момент смерти строго следили за тем, чтобы человек не скончался на перине и подушке, набитых пухом. Данное табу объяснялось по-разному. Одни полагали, что если этого не сделать, «на том свете» покойника заставят полностью пересчитать имеющиеся в них пух и перья (Пантусов; НА ЧГИГН-1). Другие считали, что душа человека после выхода из тела может заблудиться в пуху и перьях, и это затруднит наступление смерти (ПМА-1). Поэтому во многих этнографических описаниях касательно чувашского обряда похорон всегда подчеркивается, что из-под умирающего спешно убирали перину и укладывали на деревянную лавку или скамейку (*кутник*, *коник*), стоящую у двери. При этом лицо человека поворачивали к стене, чтобы он никого не видел [Тимрясов, 1876: 269].

Кроме этого, в доме умершего чуваша как можно быстрее старались открыть большие ворота (*хапха*). Потому что держать их закрытыми было нельзя. Это было связано с тем, что по народным поверьям, принимать душу умирающего с кладбища прибывал свадебный поезд, который состоял из ранее умерших родственников (Салмин, 2007: 282). Считали, что ес-

ли ворота держать закрытыми, пришедшие навестить покойника родственники будут ходить вокруг дома и пугать живых людей своим присутствием, например, свистом (НА ЧГИГН-2.). Открытыми ворота оставались до дня похорон. В одних селениях их закрывали сразу после выноса гроба из дома, а в других только после погребения и возвращения с кладбища. В первом случае это мотивировали тем, что умершему закрывали дорогу обратно, а во втором — пожеланием, чтобы умершие родственники, пришедшие за новопреставленным, успели выйти и не оказались запертыми во дворе (Салмин, 2007: 306).

После наступления смерти одежду, постель, посуду, утварь и другие предметы домашнего обихода держать в доме запрещалось. Их полагалось вынести во двор для «очищения» от невидимых пятен крови покойника, которые остались после посещения его духом отнимающего душу — *Чун или* (букв.: «отнимающий душу») или *Эсрел* (от арабского *Азраил* «ангел смерти») (Чувашская мифология, 2018: 426–427). Указанное представление достаточно точно истолковал К. П. Прокопьев, который в начале XX в. опубликовал обстоятельное исследование об обряде похорон и поминок у чувашей: «Из избы выносятся на двор: одежда и постель, принадлежащие семейству больного, посуда и т. п., вещи постоянно употребляющиеся в домашнем обиходе. Это делается потому что, по поверью чуваш, к умирающему человеку, невидимо для глаз человеческих, является с косой в руках Эсрель (дух смерти), который, надрезая косой, расчленяет все суставы человека; в это время кровь умирающего, невидимо для глаз, может брызнуть и осквернить имеющиеся в комнате вещи» (Прокопьев, 1903: 7–8). По этой же причине в некоторых чувашских селениях Свияжского уезда Казанской губернии в домах, где находился покойник, не готовили и не принимали пищу. До совершения обряда похорон они питались в домах родственников или соседей (НА ЧГИГН-3). Вероятно, здесь имеет место влияние исламской религии, согласно которой дом покойника в течение первых трех суток считался «нечистым» и в нем запрещалось спать, готовить еду, принимать пищу. Аналогичный обычай, например, сохранился у чувашей-мусульман в с. Старое Рысайкино Похвистневского района Самарской области. Дом покойника здесь тщательно очищают и моют, включая стены и потолок, а потом печь и стены, если последние промазаны глиной, белят извешкой. Кроме этого в доме не разводят огонь, не готовят пищу. Вследствие этого поминальную трапезу по возвращении с кладбища они устраивают не в доме покойника, а в каком-нибудь другом доме, например, у соседей (ПМА-2).

Кроме этого, в доме покойника имеющиеся зеркала нельзя было держать открытыми. Поэтому их обязательно занавешивали какой-либо материей. По одним представлениям, в зеркале случайно можно было увидеть отражение покойника, по другим — душа покойника в зеркале могла увидеть себя и испугаться (ПМА-1). Руководствуясь этим мотивом, современные информаторы в настоящее время вместе с зеркалами занавешивают также буфеты, трюмо, телевизоры, застекленные рамы с фотографиями на стенах и т. д. Такие же представления, связанные с зеркалом, распространены у других народов.

До погребения, которое у чувашей, как правило, совершалось на третий день после наступления смерти, тело покойного не полагалось оставлять в одиночестве и без присмотра. Поэтому и днем и ночью при нем должны были сидеть родственники, соседи, а также жители села (деревни), пришедшие с ним попрощаться. В противном случае считали, что в усопшего могут вселиться злые духи. Чтобы отпугнуть их, в помещении не выключали свет (особенно ночью), зажигали лампаду и свечи, а под гроб с покойным клали какой-нибудь железный предмет: топор, косарь, кочергу и т. п.

Чтобы случайно не напугать душу усопшего и не помешать освоиться с новым для нее состоянием, в доме запрещались шумные разговоры, смех, а также громкие рыдания и плачи. Также строго следили за тем, чтобы слезы близких и родственников не попали на покойника, иначе ему на «том свете» будет очень трудно или он перестанет сниться тому человеку, кто нарушил данный запрет. Другим распространенным толкованием данного запрета была вера

в то, что чрезмерное слёзопролитие по покойнику ведет к тому, что он «на том свете» будет вечно пребывать в воде или в сырости.

Другим широко распространенным табу, связанным с покойником, был запрет оставлять глаза покойника открытыми. Если глаза не закрывались, полагали, что он намерен кого-то «забрать» с собой (НА ЧГИГН-4). Другие объясняли это тем, что покойник таким образом дожидается прихода или приезда близкого и дорогого человека. Также бытовало поверье, согласно которому умерший не закрывает глаза потому, что в доме находится человек, который его когда-то сильно обидел. Если глаза не закрывались, веки усопшего пальцами терли вниз и достигали желаемого результата. В противном случае, на его глазницы клали монеты.

В течение всего обряда похорон приходящим в дом покойника людям также запрещается здороваться за руку. Этому запрета также придерживаются мужчины на кладбище, когда копают могилу (ПМА-3). Кроме этого встречаются описания, где говорится, что родным и близким покойного запрещалось встречать и провожать родственников до дверей или ворот. Причина этих запретов, очевидно, кроется в том, что по народным представлениям привычные атрибуты этикета (здороваться, встречать, приглашать, провожать и т. д.) были уместны только в мире живых людей. Поэтому указанные правила поведения, которые были обязательны в мире живых, на похоронах временно исключались и становились неактуальными. Аналогичные запреты присутствуют также в обряде похорон марийцев и удмуртов.

Важной частью ритуала похорон являлось обмывание покойника. Здесь прежде всего обращают на себя внимание запреты с числовой символикой. Потому что у чувашей идти за водой к ближайшей реке или к роднику всегда полагалось в нечетном количестве. Отправляться к водному источнику в четном количестве запрещалось, иначе будет новый покойник. Если умер мужчина, за водой шли двое мужчин и одна женщина, а если умерла женщина, тогда две женщины и один мужчина. Впереди процессии всегда шел мужчина (Прокопьев, 1903: 9). Если умершей была незамужняя девушка, за водой отправлялись две женщины и одна девушка. С собой они брали котелок, ведро, ковш, топор (или косарь), мелкие деньги и три нитки. Чтобы отогнать злые силы и чтобы они не попали в воду, в реку бросали топор или косарь. Иногда вместо них участники процессии брали железную кочергу, ухват, заслонку от печи. Мужчина, который шел впереди, через каждые три шага ударял топором или косарем по заслонке, полагая, что этим он отгоняет злых духов.

При наборе воды и обмывании тела мертвеца обязательно совершали т. н. обратные действия или «действия наоборот» (Салмин, 2007: 292). Например, воду в ведро набирали не против течения, а по течению. Если пользовались ковшиком, воду зачерпывали левой рукой, и при этом «не ближайшим к черпающему краю ковша, а противоположным» (Прокопьев, 1903: 9). Таким же образом поступали при обмывании покойника. Воду из ковша выливали левой рукой и всегда в направлении от себя. Лить воду по направлению к себе запрещалось. По окончании работы использованную воду выливали не вниз, а вверх (НА ЧГИГН-5). Этими действиями чуваша символически подчеркивали никчемность и нежелательность всех приготовлений, связанных с похоронами человека. К. П. Прокопьев по этому поводу писал: «Вообще нужно заметить, всякое действие во время похорон чуваша делают не в том виде и направлении, как в обыкновенное время, а в обратном. Это делается для того, чтобы дело не спорилось, т. е. чтобы предпринимаемого ими дела ни для кого более совершать не понадобилось» (Прокопьев, 1903: 9).

Как и у многих других народов, вода, которой обмывали тело покойника, считалась не только нечистой, но и опасной. Чтобы оградить живых от болезней или другого рода несчастий, остатки воды выливали в какое-нибудь недоступное место. Отсюда сохранился другой широко распространенный запрет не наступать на место, куда выливалась эта вода.

Ряд запретов соблюдался при отправлении покойника в последний путь. Например, нельзя было устраивать похороны в среду и пятницу. Эти дни для похорон считались запретными, так как их нарушение могло вызвать много смертей в деревне. Если эти дни недели

выпадали на день погребения, то похороны переносили на день раньше или позже. Правда, в настоящее время этого правила строго и последовательно, как это было раньше, не придерживаются.

Похороны покойника запрещается также устраивать в вечернее время, в особенности на закате солнца. Если умершего хоронили вечером или близко к сумеркам, говорили, что на село или деревню нагрянет большая беда (НА ЧГИГН-4). Поэтому гроб с телом покойника из дома выносили после полудня, чтобы успеть совершить погребение, вернуться с кладбища и начать поминки.

При движении похоронной процессии соблюдался запрет с числовой символикой. Например, число кратковременных остановок людей, несущих гроб с телом, не должно было быть четным. Такие остановки по пути на кладбище всегда делали нечетное количество раз.

Также существовал запрет переходить дорогу, по которой движется похоронная процессия. В одном из этнографических описаний чувашской деревни начала XX в. отмечается, что во время похорон люди даже старались не выходить на улицу, чтобы не оказаться на пути покойника (НА ЧГИГН-6). Если же они случайно встречались с похоронной процессией, то отходили в сторону и ждали пока она не пройдет мимо. В случае, если кто-либо успел перейти дорогу, по которой несли покойника, он переходил ее обратно (НА ЧГИГН-5). Другие же присоединялись к участникам похорон, делали вместе с ними несколько шагов, а потом разворачивались и продолжали путь дальше. Этому запрету следовали всегда, иначе злые духи, сопровождающие покойника, могли перебраться на встречного человека и стать причиной смерти или другого несчастья. По другим поверьям, человек, который переходил дорогу, навлекал на себя гнев покойника и мог получить от него какое-либо наказание.

Ряд специфических запретов соблюдали на кладбище в процессе погребения покойника. Одним из них был запрет начать погребение, прежде чем родственники не бросят в могилу несколько медных или серебряных монет. По народным поверьям, это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, эти деньги считались платой духам или хозяевам земли за предоставленную землю. Не случайно эти деньги у чувашей назывались «*сёр укси*» (деньги за землю). Если этого не сделать, полагали, что земля не примет покойника и он будет долго мучаться. Другие считали, что без этих денег кладбищенские начальники новопреставленному не выделяют положенное место. Во-вторых, у чувашей существовало поверье, что в потустороннем мире царит вечный мрак, и что эти деньги будут служить покойнику в качестве источника земного света. В некоторых селениях указанные монеты так и назывались — «*сутӑ / сут укси*», т. е. «деньги света». При этом чувашаи предпочтение давали серебряным монетам, чем медным, полагая, что они светятся лучше и будут более полезными. В других селениях монеты бросали не в могильную яму, а клали непосредственно в гроб с покойником (НА ЧГИГН-7).

Другим распространенным табу во время погребения является запрет передавать из рук в руки лопаты и другие орудия труда. Следует заметить, что данного запрета придерживались и в других ситуациях, например, во время строгания досок для гроба, во время копания могильной ямы и т. д. Инструменты и орудия труда в таких случаях кто-нибудь бросал на землю, а другой человек подбирал их и продолжал работу.

Кроме этого запрещалось опускать гроб в могильную яму, предварительно не развязав все узлы, имеющиеся на белье, одежде и обуви покойника. Это делалось для того, чтобы он запутался в них и не смог вернуться с родственниками домой: «Как только опустят покойника в могилу, один из мужчин спускается в могилу и развязывает все узлы, какие только имеются на одежде, обуви и белье покойника. При похоронах женщины это делает женщина еще до опущения гроба в могилу. Делается это для того, чтобы покойник не мог погнаться за родственниками, когда они поедут с кладбища» (Прокопьев, 1903: 19). Поэтому, чтобы не увидеть покойника, участникам похорон строго запрещалось оглядываться назад. А чтобы покойник не увязался за ними, те, кто приехал на лошади, быстро уезжал от кладбища, а пе-

шие уходили быстрым шагом или убегали на расстояние 40 сажен. Потому что существовало поверье, что на расстоянии 40 сажен не будет слышно покойника (Прокопьев, 1903: 20).

В обрядах поминального цикла запреты в основном распространялись на близких и родственников покойного, а также других членов общины, которые принимали в них участие. Рассмотрим наиболее типичные и общераспространенные табу из этой области. Так, например, чувашки верили, что до наступления больших поминок (*юна* у некрещеных чувашек и *пумилкке* у крещеных)² душа покойного периодически навещает родной дом, незримо присутствует и даже обитает в нем. Поэтому, чтобы покойник мог приходить туда свободно, до наступления больших поминок в избе запрещалось запира́ть двери и гасить свет. Если этого не сделать, по народным поверьям, душа покойного ходила вокруг дома и горько плакала.

Руководствуясь эти же мотивом, до наступления больших поминок в избе нельзя было убивать случайно залетевшую бабочку. Бытовало поверье, что душа умершего вселяется в бабочку и прилетает в родной дом (НА ЧГИГН-8). Сходные представления о душе в виде бабочки (иногда птицы) имеются также в мифологии марийцев, удмуртов, башкир, коми, мордвы и других народов.

Определенный круг запретов на период от похорон до больших поминок налагался на членов семьи и близких родственников усопшего. В течение этого времени им запрещалось петь, плясать, ходить в гости, присутствовать на свадьбах, похоронах и поминках, одевать праздничную одежду, а вдовам и вдовцам выходить замуж или жениться. В. К. Магницкий также отмечал, что в знак траура чувашки не меняли белье: «В знак траура до 7 дня, со дня погребения чувашки не меняют белья» (Магницкий, 1881: 178). Кроме этого на членов семьи покойного, а также на тех, кто мыл, одевал и укладывал покойника в гроб, мастерил гроб, начинал копать могилу, пек блины, топил печь в бане, налагался запрет на выполнение определенных хозяйственных работ. Им не разрешалось топить печь, подавать жар в бане, готовить пироги, пользоваться иголкой и шить одежду, стирать белье, толочь кудель, ставить жерди для хмеля, копать землю, стричь овец, мазать печку глиной и т. д. (Салмин, 2007: 325). По верованиям чувашек, все эти действия были способны причинить покойному физическую боль, мучения и страдания. Если кто-нибудь из этого круга людей в период табу затапливал печку, стряпал пироги, лил воду на каменку в бане, это было равносильно тому, что обжигалось тело покойника. По этой же причине не мыли полы и не стирали белье — грязная вода могла попасть в глаза и рот покойника, не мазали и не белили печь — глиной и побелкой забьются глаза, рот и уши, не пряли нитки и не стригли овец — есть опасность потревожить волосы покойного, не пользовались иголкой и не шили одежду — можно уколоть умершего, не обрабатывали волокна на ступе — можно раздробить кости, не ставили жерди для хмеля — можно проткнуть тело и т. д.

В некоторых селениях родными и близкими покойного соблюдались пищевые запреты. Например, на поминках в день похорон членам семьи умершего нельзя было есть мясо сваренной курицы. Потому что существовало поверье, что поедание мяса птицы равносильно поеданию тела покойника. Эти табу актуальны и сейчас, правда, в новых формах и вариаци-

² У некрещеных чувашек большие поминки (*юна*) сперва проводились только один раз в год, в октябре месяце, считавшимся месяцем поминовения умерших и предков. Позднее, в зависимости от локальных традиций такие поминки стали устраиваться 2 или 3 раза в год, например, накануне Масленицы, Петрова дня и в октябре месяце. Кроме этого до наступления больших поминок в честь покойника некрещеные чувашки еженедельно устраивали т. н. четверговые поминки (*эрнекас*). В прошлом они проводились в ночь с четверга на пятницу, в настоящее время — днем или вечером в четверг. Что касается крещеных чувашек, поминки по умершему они устраивают, следуя канонам православной религии, т. е. на 3-й, 9-й и 40-й дни. В некоторых селениях отмечают также 7-й и 20-й дни. Начиная с XX в., традиция проведения больших поминок на 40-й день стала распространяться также среди некрещеных чувашек (– ИП).

ях. Остерегаясь нанести покойнику физическую боль, на поминальный стол чуваша никогда не кладут ножи, вилки, а также не ставят на стол мелко накрошенные блюда, например, салаты (ПМА-3). Перечисленные запреты теряли свою силу только спустя шесть недель. Только после этого родные и близкие покойного возвращались к обычной жизни: «Вообще во все время продолжения шести недель показывать вид довольства, веселости — *ioramaсть*, не ладно, не годится. Только в сороковой день после похорон это *ioramaсть*, этот освященный стародавним обыкновением и примером предков закон о трауре теряет свою силу» (Сбоев, 1856: 136).

И, конечно, в обрядах поминального цикла чуваша строго придерживались запрета с числовой символикой. Потому что многие действия в обрядах этого временного периода они совершали с участием нечетного количества исполнителей. К примеру, в нечетном количестве (3–5–7 человек) родственники отправлялись на кладбище, чтобы «пригласить» покойника на большие поминки, в таком же количестве выходили во двор или на улицу, чтобы провести обряд ритуального кормления усопшего «*хывни*», а также обряд его «проводов» после окончания поминок. Данный запрет в настоящее время достаточно живуч и его придерживаются во многих чувашских селениях как на основной территории расселения, так и за ее пределами.

Таким образом, запреты охватывали практически все стороны жизни и деятельности человека, его отношения с природой, космосом, обществом, в том числе, с потусторонним миром, нечистой силой и умершими предками. Как одна из форм народного творчества, они являются достаточно интересным и продуктивным источником для изучения традиционных представлений и мировоззрения чувашского народа. Им характерна логическая завершенность, поучительная направленность, строгость и неукоснительность исполнения. Являясь результатом коллективного творчества, запреты, как и другие формы паремий, служили для закрепления эмпирических знаний людей на природу, общество, окружающую действительность с целью передачи их из поколения в поколение. Такая же межпоколенная трансляция эмпирических знаний осуществлялась в похоронно-поминальной обрядности путем неукоснительного соблюдения запретов. Они регулировали и табуировали поведение членов семьи, родственников покойника и других участников ритуала. В рассмотренных запретах и предписаниях проявляется двойственное отношение к умершему. С одной стороны, в них имеет место суеверный страх перед покойником, с другой — стремление умиловить его и как можно скорее проводить в потусторонний мир. Запреты и табу также демонстрируют, что в похоронно-поминальной обрядности чувашей сохранилось много элементов, характеризующих их древнее мировоззрение и мифологию.

В настоящее время многие запреты этого цикла традиционной обрядности утратили свою значимость и практически забылись, а другие, слившись с канонами православной религии, продолжают бытовать, но уже в синкретическом виде.

Изучение запретов и табу, с одной стороны, способствует более полному раскрытию этнических особенностей чувашского похоронно-поминального обряда, а с другой — демонстрирует наличие таких же одинаковых по содержанию и форме представлений в похоронно-поминальных обычаях и обрядах других народов.

Список сокращений:

Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН):
НА ЧГИГН-1. Отд. I. Ед. хр. 231. Л. 360.
НА ЧГИГН-2. Отд. I. Ед. хр. 326. Л. 80.
НА ЧГИГН-3. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 105–106.
НА ЧГИГН-4. Отд. I. Ед. хр. 358. Л. 54.
НА ЧГИГН-5. Отд. I. Ед. хр. 247. Л. 39–40.

НА ЧГИГН-6. Отд. I. Ед. хр. 217. Л. 514.

НА ЧГИГН-7. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 87.

НА ЧГИГН-8. Отд. I. Ед. хр. 6. Л. 571.

Полевые материалы автора (далее ПМА):

ПМА-1. Записано от Л. М. Куляковой, 1948 г.р. в дер. Кистенли-Богданово Бижбулякского р-на Республики Башкортостан в 2020 г.

ПМА-2. Записано от А. Х. Ваниной, 1932 г.р. в с. Старое Рысайкино Похвистневского р-на Самарской области в 2014 г.

ПМА-3. Записано от Н. З. Филиппова, 1929 г.р. и М. А. Ивановой, 1939 г.р. в дер. Манеево Аургазинского р-на Республики Башкортостан в 2020 г.

Литература:

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Запреты // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 269–273.

Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собр. в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.

Пантусов А. Чувашские поверья в Курмышском уезде // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 22.

Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1903. 39 с.

Салмин А. К. Система религии чувашей / отв. ред. А. И. Терюков. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань: Изд. книгопродавца Дубровина, 1856. 188 с.

Тимрясов С. Похороны и поминки у чуваш-язычников дер. Ишалкиной Чистопольского уезда Саврушского прихода // Известия Казанской епархии. 1876. № 9. С. 269–274.

Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.

Петров Игорь Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник отдела этнографии.

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ул. Карла Маркса, д. 6, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450077.

E-mail: ipetrov62@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 ноября 2021 г.

I. G. Petrov

BANS IN FUNERAL AND MEMOTIAL CUSTOMS AND RITUALS OF THE CHUVASHS

One of the interesting and little-studied sources for studying the traditional ideas of the Chuvash people are prohibitions (taboos). According to Chuvash linguists and folklorists, they belong to small genres of Chuvash folklore and are a separate type of aphoristic oral-poetic works. They are characterized by a clear linguistic form of construction, logic, instructive orientation, rigor of execution. Originating in ancient times, prohibitions served as one of the forms of regulating human behavior in society. They regulated daily life, household occupations, crafts and crafts, food, religious beliefs, behavior, etiquette, language, culture of speech, etc. They occupied a special place in ceremonial life, including in customs and rituals associated with sending a person on his last journey.

The purpose of this study is to determine the role and significance of prohibitions in regulating the behavior of people and members of the community within the framework of funeral and memorial customs and rituals of the Chuvash of the Ural-Volga region. In the study, the prohibitions are considered in accordance with the main stages of the funeral and memorial rite (preparation for the funeral and protection of the deceased; washing; seeing off on the last journey; burial; wake). The work is based on the author's literary, archival and field materials.

When developing this topic, the author was guided by one of the methodological principles, according to which the system of prohibitions is understood as part of the socio-normative culture of the people, regulating human behavior in everyday life and in religious and ceremonial practices. In both cases, prohibitions have a religious nature and act as a kind of imperative in the process of human social life.

The study showed that prohibitions in the context of funeral and memorial rites determined the place, time, order of the ritual and regulated the behavior of participants. In the prohibitions and prescriptions of this type of rite, an ambivalent attitude towards the deceased is manifested. On the one hand, they show the superstitious fear of the members of society before the deceased and death, on the other — the desire to propitiate him and as soon as possible to conduct him to the other world. Due to the observance of these prohibitions, the deceased was gradually isolated from the world of culture and society, as well as “moving” into the world of ancestors.

Keywords: *chuvashs, funeral and memorial customs and rituals, prohibitions, omens, beliefs.*

References:

- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M.** Zaprety [Prohibitions]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskij slovar' v 5 t.* Vol. 2. M., 1999. P. 269–273. (In Russian).
- Magnitskij V. K.** Materialy k ob"yasneniyu staroi chuvashskoi very. Sobrany v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoi gubernii [Materials for explanation of the old Chuvash faith: Collected in some areas of the Kazan province]. Kazan, 1881, 266 p.
- Pantusov A.** Chuvashskie pover'ya v Kurmyshskom uezde [Chuvash beliefs in Kurmush district]. *Simbirskie gubernskie vedomosti.* 1867. № 22. (In Russian).
- Prokop'ev K. P.** Pokhorony i pominki u chuvash [Funeral and commemoration of the Chuvashs]. Kazan, 1903. 39 p. (In Russian).
- Salmin A. K.** Sistema religii chuvashei [The system of religion of the chuvashs]. St. Petersburg, 2007. 654 p. (In Russian).
- Sboev V. A.** Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoi gubernii. Zametki o chuvashakh [Research on the foreigners of the Kazan province. Notes about the Chuvashs]. Kazan, 1856. 188 p. (In Russian).
- Timryasov S.** Pokhorony i pominki u chuvash-yazychnikov der. Ishalkinoi Chistopol'skogo uezda Savrushskogo prikhoda [Funerals and commemorations of the Chuvashs-pagans in Ishalkino village of Chistopolsky district of Savrushsky ward]. *Izvestiya Kazanskoi eparkhii.* 1876. № 9. P. 269–274. (In Russian).
- Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskij spravochnik. Cheboksary, 2018. 591 p. (In Russian).

Petrov Igor Georgievich, candidate of historical sciences, senior research fellow,
leading research fellow of the department of ethnography.

RAS, Ufa Federal Research Centre, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies.

6 Karl Marx st., Ufa, Russia, 450077.

E-mail: ipetrov62@yandex.ru